

Александра Барвицкая

ГОЛЫЯНОВСКАЯ
ВЕСНА

Поэзия Пробуждения

Поэзия Александры Барвицкой

Александра Барвицкая
Гольяновская Весна

«Автор»

2026

Барвицкая А.

Гольяновская Весна / А. Барвицкая — «Автор», 2026 — (Поэзия Александры Барвицкой)

Поэтический оракул - книга откровений о будущем пробуждении и трансформации человечества, записанных в поэтических произведениях во время добровольного затворничества и аскез автора. В книге расставлены указатели пути и даны подсказки о том, как человечество обнулит эгоизм, откажется от эгосистемы и перейдёт в формацию альтруизма. Все ответы на все вопросы о том, куда движется человечество, есть в этих произведениях. Но для поиска ответов читателю потребуется труд души. В книге "Гольяновская Весна" собраны все поэтические произведения Александры Барвицкой, написанные в 2011 году - в первый год добровольного десятилетнего затворничества автора.

© Барвицкая А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

О книге «Гольяновская Весна»	5
Моя «Гольяновская Весна»	6
КОЛЫБЕЛЬ ИХТИСА. Поэма Пробуждения	7
Гениальному Читателю	10
Аб-Рака-Жабры	12
Заветное	16
Столешница	18
В коридоре Времени	20
МатиРеальное	24
Венский Вальс	26
Шёпотом в вену	29
Благому	31
СтоЛичное	34
Порыв Ветра	36
РеВер	37
Сказки Венской Воды	39
Император Добрых Дел	41
Солнечное сплетение	44
Горний Папирус	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Александра Барвицкая

Гольяновская Весна

О книге «Гольяновская Весна»

Поэтические произведения, вошедшие в книгу "Гольяновская Весна", были написаны в 2011 году - в первый год добровольного десятилетнего затворничества автора.

Эта книга объединяет циклы стихотворений и крупные поэтические формы: поэмы, роман в стихах "Поезд 10-11", эпос "Ключник" и трактат "Реконструкция Мозга".

Моя «Гольяновская Весна»

От автора

Эти стихи писались в первый год затворничества.

Тогда я ещё жила в Гольяново на востоке Москвы, в маленькой квартирке, окна которой выходили на МКАД.

Тогда я ещё не знала, что, уйдя в добровольную темницу, отказавшись от всего мирского ради любви, слова и высоты, заперев себя в четырёх стенах дома, через год останусь уже и без дома, и продолжу затворничество в многолетнем плавании внутри себя.

Тогда я ещё не знала, что моё затворничество продлится десять лет. Тогда я ещё была уверена, что написав все льющие стихи, выйду к ветру и солнцу — на волю, за дверь, за пределы квартиры, в жизнь... Тогда я ещё не знала, что мой выход к ветру и солнцу будет совсем другим, и что вслед за стихами сразу польётся «Первое Солнце Шестой Воды». Тогда я ещё не ведала, какие двери раскроют пределы после. И какая она — настоящая жизнь.

Это был первый год глубокой аскезы и тотальной тишины.

Это был год, когда для всех "умных" я окончательно «сошла с ума». Когда люди, потеряв меня в миру, похоронили в своих мыслях. Когда друзья рвались помочь, но не могли пробиться через наглухо закрытую дверь квартиры, почты и телефона. А совсем ещё юные дети приняли со мной все трудности и, разделив бытовые тяготы, встали моим защитным кругом.

Это был год, когда лампочки в моей комнате начали взрываться так часто, что их не осталось, и я писала при свете, который излучали стихи. Когда стучавшееся внутри слово не останавливалось, не позволяя спать; а сердце не выдерживало нагрузок и, пытаясь заглухнуть, валило высохшее тело навзничь.

Это был бесконечный год внешнего ужаса и внутреннего блаженства, заставивший жить без еды, воды и кислорода; но позволивший обрести лёгкость, научивши летать не во сне, а наяву...

Это был год, когда я всё добавляла и добавляла себе испытаний, сжимая физику добела...

Это был год, который всегда будет внутри.

Это был год, который стоил целой жизни.

И если бы мне предложили вернуться в тот год, чтобы что-то исправить, я вновь прожила бы его только так.

Это был год размораживания сердца.

Это был год пробуждения...

Это был год платы...

Это был год, который впечатан в историю под именем «Гольяновская весна».

Александра Барвицкая

КОЛЫБЕЛЬ ИХТИСА. Поэма Пробуждения

1.

Слово рождалось светлым:
было светом.

2.

И небо в руках качало,
Вселенским сплетая нервом.
Скругляло: концы — в начала.
Кормило: последнее — первым.
От Альфы и до Омеги —
ни шага! Внутри! Живое!

А снизу - алкали снега,
всё громче и ближе воя.
А снизу — глушили громом
мелодию Колыбели.
И в чреве её (огромном!)
все струны по-рас-хри-пе-ли.

3.

Внизу обрастали прахом.
Мертвело земли тело.
Земля завывала страхи,
и страхом сама тлела.
Песком забивала поры,
слюнявила рот монетой,
выстраивала заборы —
дырой в Колыбели этой.
В черноты кропила бель!
И сбро-си-ла Колыбель.

4.

Из тонкой пелёнки злаковой
в земное упала Рыба.
Рыбёночьим Рыба плакала.
Слезой изливалась в глыбу.
Верха в глубину эхолотила.
Объёмом нутро ширя,
плыла по пустыне плоть её.
И весилось Слово гирей.

Той Рыбе несли дары бы.
Да только сама (внутри!)
дарами несла та Рыба
огромнейших Рыбы три.

И в душном! Гнилом! Спёртом!
(Конечен прах: либо — в либо!)
Та Рыба — в земле мёртвой —
искала живую рыбу.

5.

Сбивались века — в минуты.
От звона секунд — дрожали!
Та Рыба в песках мутных
живое Слово рожала.
Вспорола своё брюхо,
чтоб выжить Словом прах.
Чтоб Слово вращало в ухо:
Любовь оно, а не страх!

6.

Но шумом глушили новым.
Забив сорняком поля,
торгашествовать тем Словом -
орала навзрыд земля.

7.

Земля обрастала прахом.
Мертвело земли тело.
Плодила земля страхи —
и в страхе гноила тело.
Гнильё до небес вспеня
воинствующим словьём!
А Слово — в земной вене —
молчало — Судьбы копьём.

8.

Морями зальёт сушу —
орущей земли живот.
Так Рыба научит слушать
и слышать (!) закрытый рот.

Замкнутся уста для слова.

Откроется третий глаз.
И в каждом (!) — своим уловом —
заплещется Рыба в нас.

Расскажет та Рыба людям:
что с рук не сойти словам,
за каждое слово будет
ответ нести голова.

И в каждой - свободен выбор.
(Мой Ихтис стучит в висок!)
Кому — измолчаться - в глыбу!
Кому — изболтаться — в песок.

9.

В своей Колыбели хлеба,
молчанием слов кровя,
да вынянчить нам Небо!
Да не воскормить червя.

10.

Будь беленькой —
Колыбелька!
Воде открывая путь,
будь беленькой,
светлой будь!

Молчаньем окутай Лету,
и словом в себя звучи!
Конца не бывает у света.
Вода преломляет лучи.
20—22 апреля 2011 г.
Чистый Четверг
Москва, Гольяново

Гениальному Читателю

Вверх, мой Гений!

Нет, и не будет, другой дороги.
Не изменяй судьбе.
Средь миллионов чужих — пологих —
Выпала — в суть — тебе!

Труден тот путь. Но дадутся силы.
Каждому — по шестку!
Чтоб не сбивался в пути, мой милый,
Я — Ариадной тку.

Вверх! С каждым шагом всё ближе к цели.
Воздуха чище смесь!
С каждым движеньем — всё более цельный!
В целое выйдешь весь.

Мысли - в толпе человеческой — тесно!
Многих оставь. И ввысь!
Вверх, до конца! В потолок небесный
Темечком обопрись!

Ноги о камни кровят?
Терпи же!
Больно тебе, мой Гений.
Скоро дойдёшь.
Потолок всё ближе.
Я под тобой.
Ступенями.

19 апреля 2011 г., Москва, Гольяново

ПьянОе

Ты пьёшь меня, пьёшь! Построчечно. По глотку. Сдувая кипения пенку. Смакуешь, катая по языку, каждую клеточку моей необъятной вселенной.

Так коллекционные вина монархи пьют, закрывшись от мира для созерцания вечного. Глазами вбираешь всю, чтоб осталась внутри — в хранилище под твоим темечком.

Пьянись, боясь, что однажды настанет срок, и ты утолишь свою жажду — до самой последней капельки! Не знаешь пока, что сосуд, из которого пьёшь, бездонен, хоть с виду маленький.

Так пей же меня - до предела! И впитывай сочно и нежно - до изнеможения нови.
Чем больше ты пьёшь, чем больше меня вбираешь, тем больше меня становится.

2 мая 2011 г., Москва, Гольяново

Стереочтение

За каждой буквой —
километры звука.
За каждой строчкой —
гигабайты мысли.
И если вопросительным зависло —
ищи знаки.
И если восклицательной заточкой
прорежет глаз через ушную раковину —
шевели серым
веществом.
С мерой
полной.
Суть вещи в том,
что не является вещью снаружи.
Ищи. Обнаруживай —
пятимерные смыслы.
Смыль внешнее. Сотри.
Внутрь себя смотри.
22 мая 2011 г., Москва, Гольяново

Аб-Рака-Жабры

Молчальник

Звук расщепляет слова —
впрыскивается в форму.
Кормится звуком трава —
пьёт корнем.

Из глушизны веков
тянет соки.
Зреют для всех сроков —
травы-сроки.

Каждой травинке — свой
звук — в пищу.
Да заглушает вой —
корни рыщет.

Криком взойдёт трава!
Кровь — в росы!
Будет почти жива —
к покосу.

Сену сухих годин
звук — чальник.
Выживет лишь один —
молчальник.

15 апреля 2011 г., Москва, Гольяново

Чёт

Там — за прямой чертой —
ни чёрного нет, ни чёрта.
И за чертою той
воздуха нет спёртого.

Эта черта — ценой
почётной —
знает, почём цепной
чёт нам.

Переступить черту —
шаг — взлётный.
Там — за чертой — во рту
вкус чётный.

Нечеты все сочту
в круг — чётко.
Перешагнём черту,
нечета сбросив чётки.
17 апреля 2011 г., Москва, Гольяново

Озимые

Спрятал в груди зерно —
под зиму.
Чтоб сбереглось оно —
тишью укрыл зримой.

Не унесут воры —
в чёрным-черно-края.
Да, не склюёт ворон!
Твоя!

Чтобы на век — (не час!) —
в жито!
Чтоб не коснулся сглаз —
зёрнышком в грудь вшита.

Для хлебосольных лет —
(зла — мимо!) —
от холодов и бед
в этой груди хранима.

Дышит уже земля.
Солнце — пашет!
Снег напоит поля —
наши!

И за верстой — версту —
будет легка ноша!
Скоро я прорасту,
мой хороший.
18 апреля 2011 г., Москва, Гольяново

Золотко

Птицей была, б, кабы
в небе могла плавать.
Спасибо тебе — за жабры.
Спасибо тебе — за заводь.

Сеть починяй, желанный,
да излови внутри.

Не забывай — желаний
сбудется только три.

Не растрянжишь на похоть.
Счастья проси со дна.
Я — золотая.

Плохо
только,
что жизнь — одна.

18 апреля 2011 г., Москва, Гольяново

Глинево

Уже — не совсем глина.
Ещё — не совсем Ева.
Уже — позвонки — в спину!
Уже — теплота — в чрево!

Уже — аритмий клёкот —
артерией — влит — в русло.
Уже — под гортанью — рокот,
и на языке — русский.

И глаз обозначен — летом —
пожаром — на лбу — алым.
И дело — всего — за Малым:
дыханье вдохнуть — в это.
19 апреля 2011 г., Москва, Гольяново

Бельё

День озарён солнцем. А ночь — никем.
Луна моего неба — в стране иной.
Но слышу её дыхание за спиной.
И чувствую руки на позвоночнике.
Движения плавны, легки и почти сухи,
но скручивают по суставам его быльё.
Луна выжимает тело моё — бельём.
И вдоль позвоночника — в небо текут стихи.
19 апреля 2011 г., Москва, Гольяново

Дыхание

На плёсах разлиты вёсны,
зовя чешуёй и словом.
И сети уже на плёсах
расставили - за уловом.

Удильщики — на удачу —
сгрудились по берегам.
Кто — крупно возьмёт. Кто — сдачу.
Да всем сестрам — по серьгам!

Да каждому: мера — мерой.
Да каждому: по следам.
Да каждому: лишь по вере —
уловом — да в сеть! — вода.

Но, вон из толпы один!
Подальше! И просто дышит.
Не в очереди,
а — выше!
До облачных встал седин.

Блесна не по мне блещет -
дыханием ловит глыбу!
Он знает: в сетях — вещью
сдыхает — такая — рыба.

Он знает: плавник — золот.
Он знает: почём брод!
Не будет плавник исколот.
Не будет изорван рот.

Дыханье его — до края —
жабрами, порами, клетками —
всем телом в себя вбираю.
Всем духом — в него! В крепкое!
20 апреля 2011 г., Москва, Гольяново

Малый

Умывайся водой талой.
Сном ночным
звук слетел. Нем.
Мой огромный! И самый Малый.
Умещаю — под солнечным
сплетением.
20 апреля 2011 г., Москва, Гольяново

Заветное

Богу-богово

Если ты бог,
из себя сотворивший Адама,
для нового «мы» — в добро (!),
не пощади бок:
вынь из нутра самое
важное ребро.

Самое цельное и крепкое —
без соскоблины чёрной метки!

Именно то, которое —
явью снова —
будет держать опорой
вящего «мы» основу.

Для корневища рода
свою не щади природу!

И разотри в ступке —
в пух и прах!
Будущие поступки —
соль в руках!

В сверхзвуковые смыслы —
прошлого коромысло!

Праху добавь сердца —
тепла вдохни!
Но, запирая дверцу,
ключи храни.
Ключников нынче мало.

И расцвети алым!
Не экономь на венах
для будущего колена.

Если ты бог —
создавая свою Еву —
не пощади бок,
не пощади чрева!

28 января 2011 г., Москва, Гольяново

Вхождение

Время сгустило плотность -
Праху оставив тленное.
Время открыло рот. Есть!
Кровью вскормить гения!

Путь: из земли да в землю, —
Не для меня. Приемлю.

Кровью сочится слово
По позвонкам — в небо.
Сроком земным, условным,
Стану для неба — хлебом.

Стрелки
срослись - в стрелы.
Руки
сплелись — в звуки.
Стрелки в руках — мелом.
Звуки — бельмом гулким.

Время настало вере
Вечность вдавить в виски.
Время открыло двери
В Ершалаим ПОЭТский.

Время — тугим замесом —
Тысячелетье — в час!
Барышни-поэтессы,
Я покидаю вас.
17 апреля 2011 г., Москва, Гольяново

Столешница

Словоблудие. Ретроспектива слов

Разбросаны слова по пыльным полкам
библиотечных вех.
Легки они, уютны или колки,
несут ли грех, —
просеивай слова. Они — пустое.
Они — враньё.
Пока душа в зимовочном простое
ютится вороньём —
делами меряй правду отражений
В чести — зеркальный люд.
А если под грудиной левой жженье —
молчи, браток, не множь словесный блуд.
9 февраля 2011 г., Москва, Гольяново

Столоправило

Не терплю на столе порядка.
На письменном.
В порядках — стол подпирает пятки
низкими мыслями.
В порядках — пишутся бизнес-планы
и проектируются казармы.
А на моём — дрейфующем: плавный,
квазарный —
(Казалось бы, хаос!
Ан, нет!) —
светленький в небо билет.
22 апреля 2011 г., Москва, Гольяново

АльфаВит

Началом всего —
Слово.
Чтоб чистеньким было —
вылеплю голым.
Пусть не стыдится Слово
своего
тела.
Чтобы рождало жизнь,
земную орбиту вертело,
и во вселенские виражи
отпускало бродить

светлые
мыслеформы —
опорами.

28 апреля 2011 г., Москва, Гольяново

В коридоре Времени

Девять дней до исхода...

Девять дней до исхода,
и сорок ав
позади
утекает в песок.
Испарённую воду
пустынных глав
в груди
замыкать срок.

Время сбрасывать ношу тел —
балласт
затрудняет ход.
Обновлённостью —
наш удел —
в девятый войти восход.

Забрюхатив барханом,
печь
крематория,
ржавя пасть,
шкуру прошлого будет жечь —
наше рабское
жрать
всласть,
отрыгнув иллюзорный жом,
тот, что в сладкое мажет рот
тельценосным сном,
миражом!
Нам — без шкур — за громом — вперёд!

Девять дней без огляда
камни
в ногах
крошить.
Не моли о пощаде.
Так надо.
Он так решил.

Девять сумерек нам до дома.
Ночь,
не дрожи!
Девять суток застряли комом.

Только бы пережить!

Девять дней до земли,
в которую
держим
путь.
Девять дней до исхода.
Не дли!
Эти бы
дотянуть.

23 февраля 2011 г., Москва, Гольяново

Песочные часы

Чёрного мрамора крошки
в перистом небе висят
крайнего срока гирей:
ровно на двадцать четыре
в два раза по шестьдесят.
И ни секундой больше!

В выдержанном вине
зимнего чана
прокипячённые,
о чём вы,
набравшиеся до отчаяния
за девяносто дней?

Поворачиваясь то одним,
то другим боком —
вселенскую наготу прикрывая личным —
высушиваются выпотрошенным
солнцепёком:
двустранным столичным.

(Песочек назвался пророком?
Значит, жди своего срока!)

Открывается в полночь ров.
Ноль-ноль — на швейцарских.
Циферблатные к чёрту швы!
И по талии коридора миров
перетекает царство
секунд живых.

Здесь песок даст камням фору!
Смело
в руках мни!
Бесконечность — всего лишь форма,

создающая тело
времени.
3 марта 2011 г., Москва, Гольяново

Демон Максвелла

В поднёбии — звук дрожит...
Ей шёл сорок первый.
Она сорок первый встретила,
когда полюбила жизнь.
Танцуя на кончике нерва,
новью — захлёб — бредила!..

Радуйся, детка! Радуйся,
пока не заметила
висящего под числовым градусом
знака смерти...

Он был сорок первым снизу
и первым сверху.
Почти невинным...
Казалось ей: в той прорехе
солнце луну близит —
сшивать пуповину.
Казалось ей: счастье соткано!
Лепестками вышито:
«Плыви по небесной выши ты,
моя лодка!»
Казалось: дана ей ось
Державная!
С болью покончено самосожжением.

Но было рано.
И двадцать вторая данность
ранами
Дня Рождения
впаялась в атомы демоном!
Заржавила!
Впечатала алым в историю,
окровила и обескровила.

И в жанре классического хоррора
Демон Максвелла в её теле хозяйничал,
как в ничьём!
Адом чадил в грудице,
запретив колокольный звон.
Сжимая виски льдиной,
гнал разум на выход:
— Вон!

И не верил никто в ту червлёную пору
в её будущее — впереди.
Но она поднимется и победит
в битве уицраоров.
22 июня 2011 г., Москва, Гольяново

МатиРеальное

Перекись населения

Тело истории было уже загаженным:
до истерии с возникновением гаджетов,
до самогона постгорбачёвской «браги»,
до ГУЛАГа,
до *rusticorum terra*,
до точки
в лубянской лодочке,
до Бриков,
до петли Англетера —
были странные лики.

До кинохроник и лампочек Ильича,
до «перекованного» меча,
до орала -
орало
тело!

До тридцати Иудиных,
до мигрени Пилата,
до постулата
Ирода,
до Саломеи,
до головы на блюде,
до
Содома,
до садо-ма...,
до лестницы
Вавилона,
до любого закона,
до змея.

Чёрные дыры, латаясь белыми пятнами,
горлом зашитым надрывно сипят! Но мы
знаем, что даже ещё до Евы,
до первоматери,
сделала
дело
своё старательно
дева
Лилит.
Только одна
она

ли?

14 марта 2011 г., Москва, Гольяново

МАТ и МАТЬ и Ко

Чем выше плотности рост,
тем меньше цена единицы.
Дрянной квартирный вопрос
испортил не только столицы.

Чем гуще набит живот,
тем ниже душа живёт.

Закон притяженья вес
имеет и за пределом.
Играя на интерес,
мамона народы раздела.

По тельцу земли метастазы
ползут, разъедая двери.
Метит вселенский разум
зверя.

От сбора таких урожаев,
у неба чернеет в руках.
Но поэты божьих детей рожают
в подвалах и на чердаках.

На первый-второй — расчёт (!) —
покажет гамбургский счёт.

20 марта 2011 г., Москва, Гольяново

Венский Вальс

Камера хранения

1

Вынуть сердце и третье зрение,
отстегнуть крылья,
обожжённые стратосферой,
сдунуть пыль и,
укрыв покрывалом веры,
положить в камеру хранения.
И шагнуть
в путь
незнакомый,
отвесный:
— Жизнь, прими
жить с людьми
равно-ценно-весной.

2

Вернуться в назначенный срок.
По судьбе —
через сорок.
Себя возвращать себе.

3

Время безвремени —
снегозёма
годы
(С плеч долой уродов!) —
в ночь под воскресение
в камеру хранения:
между сном и дрёмою -
под замок подранков!
Ивою —
вязанка.
Ничего, что окают!
Тесен им вокзал такой!
Самому крикливому,
меж шумящих прочих,
рот заклеить скотчем!
Ключ - скрошить рукой.

4

Снова с сердцем и с ветром в спину,
навсегда это место покинуть.

И войти, не оглядываясь, в воскресение
днём весенним.

16 апреля 2011 г., Москва, Гольяново

Учебный полигон

1

Там, откуда приходит жизнь,
не бывает лжи,
не бывает смерти.
Там не точат ножи
на человеческую живность.
Там не крутятся боли ужи
на костяном вертеле.

Дела благие в горсти
унесёшь за собой туда.

Переедание благости?
Вопрос лишь внутреннего суда.

Настоящего не бывает досыта.

Если чёрная полоса,
успокойся. Считай до ста.
Ведь всё равно не расстаться
с тем, кто не стерпит обмана,
кто хранится в тайном кармане,
с тем, кто ты есть сам.

На нефизических часах
будет белая полоса,
если сбросишь с себя черноту,
досчитав до ста.

2

Из мира, где не бывает ни войн, ни разрухи,
по коридору, выстланному периной светового пуха,
матричную разметкой времени дилижанса,
чтобы дать нам стотысячный шанс:
на ошибках своих научиться не совать палец розетку, -
нас выпускают в жизнь на прогулку-разведку.

12, 27 августа 2011 г., Москва, Гольяново

Камень преткновения

Из дома души — уютного
космического Абсолюта —
вырываемся в «Я» мы —

в физическую эго-яму,
чтобы всю жизнь потом,
на «Я» набивая мозоли,
в поисках дороги к дому
топтаться в золе боли.

От точки «Я» — до точки «А» —
прямая не расчерчена точная.
Указатели-стрелки ночью
и днём
ожидают на каждом камне.
И на каждом, минимум, по три.
Но дорога не скажет: «Туда смотри».
Но дорога не скажет: «Сейчас».
Но дорога будет молчать, пока мы,
собирая все камни,
не поймём,
что «А» находится в нас -
внутри.

21 сентября 2011 г., Москва, Гольяново

Возвращение

Кто-то сплавляется по реке.
Кто-то сплавляется по рукам.
Кто-то по трупам идёт «налегке».
Кто-то гуляет по облакам.

Кто-то к покосу растёт. Трава.
Кто-то ведёт за собой полки.
Каждый по-своему, в общем, прав, а
значит, получит свои шажки.

Выдан билет был для всех один.
Выдан билет: «Разберёшься сам.
Что прошагал, то и породил.
Кругом вернёшься к своим следам.»
28 сентября 2011 г., Москва, Гольяново

Шёпотом в вину

вера, надежда, любовь

вера — это когда
слепо.

надежда — это когда видишь
едва уловимый краешек горизонта,
и ползёшь, сдирая наросты с души в клочья,
ползёшь туда — к краешку неба.

любовь — это когда слепо ползёшь за видимое,
сдирая в кровь наросты с души,
слепо ползёшь за видимый краешек в небо,
слепо ползёшь к тому,
кто находится там, за краешком.

счастье — это когда знаешь, что в тебе
вера, надежда, любовь
слепо ползут за видимый краешек — в небо —
к тому,
кто там, с другой стороны краешка,
в ком вера, надежда, любовь
так же слепо, сдирая наросты в кровь,
ползут за видимый краешек — в небо — к тебе.

27 января 2011 г., Москва, Гольяново

константа

Твоя луна — бездонный родник неба —
живой источник одуванчику моего солнца.
Между ними натянуты
вечные
млечные
струны
космической арфы,
на которой играет соло каштановый мальчик.
В его устах — отражение всех аллюзий.
В его глазах — прекращение всех торнадо.
В его руках — осторожно и нежно время.
В его груди бьётся доброе сердце эпохи.
Пальцами перебирая волны вселенной,
создаёт он гармонию до-бемоль мажора
для голубого шара, где люди-дети
устали искать дорогу к константе счастья.

28 января 2011 г., Москва, Гольяново

шёпот шагов

Я закрываю глаза,
и слепо иду,
доверяясь твоей руке, удерживающей мой пульс.
Что там под нашими стопами?
Скрип фрамуги вселенной?
Не отвечай! Я не хочу знать.
Молча води туда, где правит твоё сердце.
Води меня вверх —
на гору призрачного тумана сонной артерии.
Води меня вниз —
в пропасть неги кипящей вены.
Води туда, куда смотрят твои глаза,
где осязается только «всегда».
Води туда, откуда начинается «мы»,
отрешая заблудшее «я».
Води ослепшую — поводырём.
Води ту, что верит твоим рукам.
Води тихо,
чтобы шёпот шагов не нарушал ритма...

28 января 2011 г., Москва, Гольяново

Благому

Кто ты?

Кто Ты?
Скажи.
Не проходи мимо
моих вопросов.
Кто Ты? Скажи, милый,
кто Ты?
И почему у мимов
глаза выразительно-мнимые?

Я растрепала не косы —
ноты —
мелодией ветра разбросав
симфонии голоса.

Кто Ты?
Скажи,
кто Ты?
Мой нотный стан ещё
не превратился в пристанище
для Тебя. Но...
Я хочу знать точно:
кто Ты?
И где у вселенной дно?
И почему все звёзды сошлись в одну
точку?
Скажи, почему я наверх тону?

Кто Ты?
Скажи.
Кто я?
Почему я сдалась без боя,
и к ногам Твоим положила мир?
Почему яйцо в руках золотое?
Ведь было оно — рябое.
Я помню, милый...

Кто Ты?
Откуда?
Куда?
Почему, вдруг, живая вода
у нашего океана?
Почему всё такое странное?

Отчего стали чистыми небеса?
Отчего равновесие на весах?

Кто Ты? Любимый,
Кто Ты?
Я знаю: всё это — Твоя работа.
Я за Тебя отдала все ноты...
Только скажи мне:
Кто Ты?
21 мая 2011 г., Москва, Гольяново

Wai

Белый.
Совершенно белый.
Будто нарисован мелом
рукою божественно умелой.
Плод...
Человеческий?
Вечно-Спелый.
Белый...

Указательный вверх устремляя,
на Тебя смотрит Земля,
полюсом севера
Меру меряя.

Белый.
Совершенно белый.
Небо облаком выткало смело
таким, каким наяву хотело.

Дитя золотого цвета
на Твоих коленях...
Скажи, Белый,
сколько ступеней
в Храме Рассвета?

Белый.
Совершенно белый.
Ни пылинки на духовном теле.
Стоя одной ногой на воде,
а второй — на суше,
молчанье Твоё слушаю.

Вещие
сны —
звонящие.
Ты — везде.

Дорога наверх — Wat Arun.
Наша мера —
Гора Меру.
Твоим молчанием говорю...
Даже,
когда размыкают оковы
мои сны. —
Тридцатитрёхголовые слоны —
на страже
сплетения языков.

Белый...
Богу РАвный.
И не муляж...
Я Твоими глазами ранена
в теменную точку.
За живое цепляешь.

Ко лбу — лодочку
прижимаю.
Wai.
18 июля 2011 г., Москва, Гольяново

Столичное

Корабельное

У «корабля» на Тульской
ежедневно под звуки альта
тысячи голубей красят тело асфальта
картинами Пикассо.

У «корабля» на Тульской —
солнце ли, снег ли, дождь ли —
стайки глухонемых — батоны ломают в крошки:
будет вам хлеб да соль.

У «корабля» на Тульской
росчерком разноголосым,
рукоположем тонким, звуки в косы
сплетаются в унисон.

У «корабля» на Тульской,
проваливаясь в мир
голубей и глухонемых, спадает с небес Альтаир,
и цепляется в счастье весло.

У «корабля» на Тульской
застывают века и годы.
Там жизнь принимает легонько роды
у любви.

А где-то в иной стране, на площади-гаджет,
табло: «голубей не кормить — гадят».
23 января 2011 г., Москва, Гольяново

Компас

Когда мячик луны закатит за небо очередным
облачком пенным,
когда встанут в счастливую очередь дни
нашей вселенной,
приезжай на восточный порог —
по компасу сердца —
к моей дверце.
Приезжай туда,
где любовью сжигают ночи и города.
Я распахну окна, раздвину тесные стены,
с карты вселенной сотру все синие вены,

а с ладоней твоих — паутинки чужих дорог.
А потом,
разукрашу счастливым запахом дом,
отключу электричеству пробки,
и выпущу из заветной коробки
ватагу солнечных зайчиков —
гулять на груди взрослого мальчика
колокольчиком чистого голоса.
И, наконец, перекрашу свои волосы.
12 февраля 2011 г., Москва, Гольяново

Крошево

Россия завалена белым,
хрустящим,
крошащимся
мелом.
Это я расписываю верхушки свода
перистыми облаками.
На половину года
хватает мела пока мне.
Собираю разбросанные камни.
За столом
приманиваю циклон
именного love you.
Прожитыми уроками
наше «Мы» правлю.
Биение пульса слушаю...
Письма мои осыпаются крошевом
хлеба, кормящего душу,
напрямую — в твою Вену.
Опять ты не спишь, наверное,
улетаешь столицы менять.
Как ты там — без меня,
хороший?
13 февраля 2011 г., Москва, Гольяново

Порыв Ветра

Поцелуй радуги

Западный ветер — капельками росинок — задувает под плащ московского марта круглой радуги поцелуй.

В преломлённых лучах спектральной атомной нежности — семь влажных движений губ.
Красное — ласковой вязью бежит по сердцу, срывая с него шелуху одежды заоченелых зим.

Оранжевое — пьянит апельсиновым соком, ручейком продвигаясь по коже от кончиков пальцев к шейному позвонку.

Жёлтое — щёки румянит солнечным зайкой.

Кончик носа щекочет запахом трав — зелёный.

Лёгкостью голубое приподнимает ресницы к небу.

Синее — нежит запястье, ровняя пульс.

А примостившееся у мочки уха фиолетовое — шепчет красному своему собрату:

«Не прерывай движения, помни: мы — радужный круг».

7 марта 2011 г., Москва, Гольяново

Я бросаю. съ

Я бросаю тебя, как курильщик бросает курить:
двадцать раз ежедневно, давая зарок — к понедельнику.

Как бросается солнце в клетушные фонари —

рубным праздником предновогоднего ельника.

Как бросаются звёзды с небес на вселенский призыв —
обеспечивать собственной смертью желания Ното.

Как бросаются птицы на камни во время грозы.

Как с дороги бросаются путники в запахи дома.

Как бросаются ИЛы на взлётные миражи —
в беспосадочный взмах — от моей до твоей столицы.

Как в сохранности комы — питается воздухом жизнь.

Как в молчании — от поцелуев немеют лица.

Как бросается море на сушу —

пульсацию плоти

слушать.

Я бросаю тебя,

как наркотик,

в тебя

я

бросаюсь...

21 марта 2011 г., Москва, Гольяново

РеВер

Нерв

Не ревную к другим странам,
к чужим столицам.
К языкам не ревную странным,
к цветным лицам.
Не ревную к чужим песням,
к иным взглядам.
Не ревную к дождям пресным,
к вина градам.
Не ревную. Хотя — знаю:
хватило б сил!
Не ревную. Вручила зная.
Моё — неси!
Не ревную. В руках сила:
через края!
Я — Россия.
И я —
единственная
твоя.

19 апреля 2011 г., Москва, Гольяново

Формула 3В

В небоскрёбе — в земной Вене —
облака подпирая коленом,
будь
верным
любви к людям.
Будь
таким же, как я,
тебе — верная.

Наполняйся до дна
воздухом
света —
славой вселенских сил!
Будет мошна полна
к рассвету,
что бы ни говорил.

Белое-синее-красное — части Я —
Формула счастья.
Воздух-вода-вена -

кровь человека
любви верного.

Верой наполнив морей поля,
дождусь воздуха-корабля.

Ждёт Россия свой парус Алый —
крылом ветра огромно-Малого.
29 апреля 2011 г., Москва, Гольяново

Сказки Венской Воды

Утро Первого Солнца

Я провожу прядью по твоему лбу. Я провожу волосом. Я хочу слышать симфонию наших мыслей в твоей голове. Пока мы ещё немые, осязать тембр нашего голоса.

Я провожу языком по твоей щеке. Я провожу языком. Я хочу запомнить утреннюю небри-
тость — не отделимо от имени: родного и незнакомого.

Я языком пересчитываю твои щетинки. Пересчитываю твои щетинки я — языком. Зады-
хаюсь от таянья подступающего кома к горлу:

«Дай мне! Не попрошу многого. Но, я хочу впитать тебя всеми рецепторами. Дай выучить
наизусть гармонию нашего первого утра, взошедшего так ярко, что солнце остановилось и, дав
зарок больше не уходить за горизонт, встало прямо над нами. Дай оставить на языке вкусную
память. Я буду её во рту по утрам мять во снах, чтоб просыпаться только в твоих объятиях.»

Я провожу рукой по твоей груди. Я провожу рукой. Я хочу запомнить. Пересчитать каж-
дую пору с той стороны, в которой бьётся твоя жизнь.

Наша общая вена впадает в одно на двоих сердце. В одну впадину. В одно русло любви
втекает живительной влагой. Дай мне её гладить.

Я провожу ступнёй по твоему колену. Я провожу ступнёй. Я хочу запомнить каждую
волосинку под чашечкой моего самого верного. Единственного моего. Запоминаю всего. Запо-
минаю...

Я провожу локтем по твоему животу. Я провожу локтем. Я хочу запомнить ложбинку,
которая раньше была твоим ртом и, связывая с материнским нутром, давала тебе первой любви
глоточки.

Я провожу по тебе каждой своей клеточкой.

Я трогаю все твои струны.

Трогаю всё.

Но почти невинно.

Я слушаю музыку нашей с тобой пуповины.

26 мая 2011 г., Москва, Гольяново

Gluhende Wein

Ночью первой Луны

ты готовишь глинтвейн
моего тела.

Ночью первой Луны

твоя Вена в моей вене —
выше небес взлетела.

Мужчина моей масти —

во всём — мастер.

В рецепте не допускаешь прорех:

сахарных рек блики

вливаешь в вино горячего русла,

натираешь мускатный орех,

добавляешь щепотку гвоздики —

звонящим вкусом.
Яркость корицы
свечой отражается в наших лицах.
Наполняешь бокал
до края,
едва прикасаясь губами.
Открывает флейта вокал
Рая,
и мы
с каждым глотком испаряемся выше и выше
от раза к разу.
Не тяни.
Не тяни, слышишь?
Надо пить сразу.
29 мая 2011 г., Москва, Гольяново

Цветочная нежность

Твоя жена —
нежна.
Неженка
твоя жена.
Она же на
солнечном поле
рождена —
струящемся, вольном.
Цветок —
не
искусственно
выращенный,
не куст — он
не вещь, не вый...
А
вью-
щий-
ся
маленький барвинок.
У твоих ног.
У ступни.
И между.
Не наступи,
не примни листочки.
обращайся с ним нежно
очень...
29 мая 2011 г., Москва, Гольяново

Император Добрых Дел

Картофель по-императорски

Мой император
Империи Добрых Дел
может позволить себе всё,
что бы ни захотел.
Может позволить себе лучших в мире женщин.
Но почему-то — едет не к ним, а всегда домой.
Топит газ. Быстрее! Не жалеет шин.
Спешит,
когда едет домой император мой.

Мой фараон
может позволить себе любые
новинки элитного автопрома.
Его кошмар набит: и золотом, и серебром.
В его гараже — выставка лучших авто.
Но почему-то — включает фары он
даже днём,
выжимая скорость на полную
и скашивая все углы острые,
летит поверх артерий-дорог — домой,
чтобы взять меня за руку и гулять только пешком
вдоль нашего континента-острова.

Мой властелин —
кузнец обычного счастья.
Он может позволить себе всё.
Пuls планеты он держит рукой.
Но почему-то — рвётся на части
сердце его,
переплавляясь в потоки встречного ветра,
если мы — далеко.
Если он от меня дальше одного миллиметра.

Мой президент
открывает двери
любых империй.
Августейшие принимают его на равных.
Но почему-то —
в перерыве между завтраком с королевой
Англии
и обедом
с послом Нидерландов,

он звонит мне,
и задыхаясь от нежности, говорит главное:
«Вымой скорее дождями нашу Москву.
Я уже еду.»

Мой император сегодня устал. Очень.
Он отводил рукава атома в мирное русло.
Он может позволить себе фуа-гра, буйабес и лангустов.
Он может поужинать в премиум-общепит-точке.
Но я знаю точно:
что он сегодня хочет,
спеша домой.

Да, император мой.
Я жарю
твою любимую картошечку.
30 мая 2011 г, Москва, Гольяново

Серебряный Алтарь

1
Твой наполненный взгляд
течёт серебром
по моим клеткам.
По всем кряду.
Создана я — твоим ребром.
Живу — в клетке.
Твоей. Грудной.
Камере семигранной.
Сплошной бессонною раной
дву-странной.
Встаю — рано.
Ложусь — рано.
Встаю и ложусь — по утрам. На
границах.
В миг соприкосновения лучами —
через километры границ-преград —
двух светил.

Я безумно скучаю
по этому взгляду,
когда ты вынужден
каждый день
уходить в верховные митинг-румы —
творить правильную историю мировую.

2
Я на Алтарь Серебра,
на Алтарь твоего-моего добра,

положила свою красоту.
Положила себя.
Затворилась от мира.
И от тебя.
И ровно семь я
провела месяцев на воде
и на чёрством хлебе.
Провела без воздуха, Солнца и без людей.
Я создавала
Серебряным Словом
Седьмое Небо.
Отправляла запрос в космический эфир:
«Любовь! Расти!
Своди воедино все человеческие мосты!»

А в это же время — ты,
шёпотом вены правя моей рукой,
создавал для нашей живой планеты
божественный эликсир
мудрой и вечной молодости.
2 июня 2011 г., Москва, Гольяново

Солнечное сплетение

Храм Солнца

Хочешь познать:
какую же тайну я
храню в артерии сонной?
В моём ДНК живёт звонко-талая
хромосома.
Капля Солнца моя.
Мартом таящая, наливающаяся маем,
и парящая августом -
в пекле Солнца десятым сном.

Самый важный в моём календаре —
день,
когда
на разгорающейся заре
я раздвигаю городские стены и
выхожу за новой, лучистой
порцией света чистого —
к дому своей истины.
В этот самый длинно-яркий день годового цикла
я, на цыпочках
ла-
ви-
ру-
я
по эфирным
волнам
тополиного пуха,
вхожу в храм Солнца —
на
поле
взлетающего росточками к небу подсолнуха.
В мой — главный — дом.
Становлюсь — ровно — посередине.
И постепенно снимаю с себя льдины,
накопившиеся
от общения с человеческим холодом.

Молодые подсолнушки стебельками
своих тоненьких пальцев
помогают мне раздеваться,
оставляя совершенно голой.

С поднятыми к Солнцу руками,
и чуть приподнявши вверх голову,
голая
стою на подсолнуховом поле я.
Наливаюсь солнечным соком.
Пью его кротко —
через темечка рот
и третье око.
И
по-
сте-
пен-
но
облачаюсь в Солнце —
одежду
вселенной.
Чтобы между
этим и следующим солнцестоянием,
нося на коже одежду эту,
сохраняя
в хромосоме звон таяния,
оставаться женщиной-поэтом.

Так повторяется каждый год,
не проходящий мимо.
Теперь ты знаешь:
мне жизненно необходима
Солнце-энергия света
для гармонии звука моей флейты —
моей природы,
которую,
обрела я однажды горячим летом,
в час, когда мама освободилась в родах.
31 мая 2011 г., Москва, Гольяново

Купель

В ночь Купальную,
в ночь купельную
небо входит
да в плоть земельную.

В ночь вселенской любовной мякиши,
единенья Сварога с Макошью,
я — опальная,
подрасстрельная,
я — опальная,
да не беглая
(В вере верности — ожидальная.

Не отринь меня, вера, — цель моя!),
я — лучистая —
в воду цельную
света белого,
света чистого,
окунись — совершенно голая.
Окунись!
Да накроет голову!

Да — во мне — огонь.
Да — в тебе — вода.
Нас, беда, - не тронь!
Обходи, беда!

Да дорогу к нам позабудет зло!
Чтоб, тебе да мне —
радости вдвойне.
До последних дней
чтоб всегда везло!

В этот летний зной,
под луны рожок,
над кострищем — мой —
выше всех прыжок.
Воротись домой,
любый мой дружок!

Да разлуки грусть
прочь с кручиною,
да не тонет мой
травяной
венчик!
Да не гаснет пусть
свет-лучина!

В эту ночь любви
(Самой сочною!)
поцелуями
в ворот солнечный
испаримся мы
в свет речной.

Заслужили счастье — по праву.

Правь моя!
Славь моя!
У моих ворот —
солнечной оправой —
солнцеворот!

Да на руке — правой.
5 июля 2011 г., Москва, Гольяново

Солнцестояние

Сегодня самый светлый день в году.
Он слишком короток, хотя и слишком долог.
Лучом Купала саван ночи вспорот.
Так Солнце мне показывает ворот.
На градуснике тридцать шесть. В бреде
и в паспорте — зашкаливает сорок.

И если грудь моя - для жара дом,
пусть жар купальским возгорит костром(!),
сжигая хмарь и хворые сорочки —
мои и тех, кого люблю все дни,
кого храню я в сердце днём и ночью.

О, Явь моя! Живительный родник —
мой верный, славный, чисто-непорочный.

Излучина реки. И берег правый.
Запущена рука небес в луга.
Бессонницей постель примята — в росах.
И правым — не страшны смертей покосы.
И ходят, перешёптываясь, травы
с живой водой — по правым берегам.

Да будет Свет! Да здравствует Любовь!
В любви светлеет человек любой.
В ночь с 6 на 7 июля 2011 г., Москва, Гольяново

Горний Папирус

Сехмет-Хатхор

1

Знаком её слова:

«Пора!»

Дочь РА она

мне равная.

Грозное Око РА.

Она говорит:

«Просыпайся, сестра.»

Голос звенит хором:

«Вставай, Хатхор!

Нил уже обвивает Птахом
священный пах.

Слышишь? Звоном
призывает твой Фараон.

Пора защищать гору
твоего Гора.

Ширить во все стороны
гору ту, на которой
скоро

родится новое,
славное, гордое
племя РА —

Страна-Рай.

Вспоминай,

сестра! Вспоминай!

Я бы — сама, да я —
не той стороны.

Моя

суть —

Око войны.

Прошло моё.

Нужна твоя сторона,

твой путь,

твоё новьё

нужно для этой страны.

Твоя-моя сторона
оборотная.

Нужно добро, а не — я.

Ты не зря рождена
с нашим знаком.

Просыпайся, Хатхор!

Поле злаковое
убереги от вора!"

2

Она стоит рядом
с моим надлюбьем.
Её львиная голова —
с моей — вровень.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.